

Елена Пьерр

Теневое регулирование

Елена Пьерр

Теневое регулирование

«Автор»

2026

Пьерр Е.

Теневое регулирование / Е. Пьерр — «Автор», 2026

Набережные и крыши Санкт-Петербурга живут по секретным регламентам, утверждённым ещё при императорах. Но что произойдёт, если эта отлаженная система даст сбой? Ян просто купил стильные гонконгские часы с необычным циферблатом — ради картинки, на которой луч маяка и крошечный кораблик заменяют стрелки. Он и подумать не мог, что дизайнерский кварцевый механизм на запястье внезапно «наведёт резкость» на его восприятие. Мир вокруг даёт трещину, а Ян становится единственным свидетелем и координатором тайной, несанкционированной жизни города. Петербург больше не притворяется декорацией — он ждёт его, чтобы вместе сломать вековые инструкции.

© Пьерр Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Пьерр

Теневое регулирование

Глава 1. Маяк на запястье

Часы Ян купил из-за картинки: циферблат — ночное море, посередине маяк, его луч вместо минутной стрелки, а по краю, отмечая время, плыл крошечный кораблик. Оптическая иллюзия, никакого свечения. Просто красивая игрушка. Но когда он надел их на запястье, ему показалось, что металл нагрелся — или это его собственная кожа похолодела? Ян не придал значения. Подумаешь, фантомное тепло.

Первая странность случилась через неделю. Он сидел на кухне, пил кофе и любовался часами. Вдруг луч маяка замер, потом дёрнулся и удлинился, выйдя за пределы циферблата. Он указывал на угол комнаты — как палец, который водил по карте невидимого мира.

Там, где сходились стены, возникла трещина. Но не в обоях, а в самом пространстве. Словно кто-то стёр кусочек реальности ластиком. Из трещины потянуло холодом, похожим на сквозняк из неплотно закрытой форточки. Он даже уловил странный запах — сырой земли и грозового озона, как после дождя. Ян испуганно моргнул, и трещина исчезла. Он подошёл, осторожно потрогал стену. Обычная. Только под пальцами ощущалось едва уловимое гудение, как от провода под напряжением. Или почудилось.

— Вот это меня торкнуло! Должно быть, стресс, — сказал он вслух. Но голос прозвучал неубедительно.

Через пару дней всё повторилось. Луч снова замер и вышел за границы циферблата. Теперь он смотрел не на стену, а в окно. Ян проследил за направлением. Старый дуб во дворе, куда он указывал, выглядел иначе. Одна ветка вытянулась неестественно прямо, как линейка, и лишилась листьев. На этой голой ветке сидел ворон и смотрел прямо на его окно. И на луч.

Казалось, прошла вечность. На самом деле — несколько секунд. Ворон гортанно каркнул, а затем улетел. Ян вышел на улицу, подошёл к дубу. Ветка, которую он видел из окна, исчезла. Как не бывало.

— Ладно, — пробормотал он. — Может, пора к психиатру? Но сначала — кофе.

Спустя несколько дней Ян проснулся ночью от того, что в комнате было слишком тихо. Даже холодильник не гудел. Он взглянул на часы: кораблик стоял на трёх часах, а луч снова играл в указку.

Стена напротив стала прозрачной. Не сразу — будто кто-то убавлял реальность слой за слоем, как регулируют яркость экрана. За стеной оказалась комната: тяжёлые бордовые портьеры, старомодная мебель, большая люстра с хрустальными подвесками. Её тусклый свет мигал в ритме его собственного сердцебиения. В кресле сидела фигура в длинном плаще. Она не шевелилась.

Ян замер. Сердце колотилось где-то в горле. Свет за стеной мигал всё чаще.

Потом — тишина.

Видение исчезло. Стена вернулась в нормальное состояние, только обои слегка шуршали, словно по ним провели пальцем. Ян коснулся их дрожащей рукой. Снова гудение — тише, чем в прошлый раз, но отчётливее. А в комнате повис запах: старые книги, пыль и немного ванили.

Он не спал остаток ночи. Сидел на кухне, пил уже третий кофе (горький, остывший), смотрел на часы, которые спокойно показывали половину четвёртого. Кораблик сдвинулся с места, луч тоже ожил.

— Хорошо, — сказал Ян пустой кухне. — Допустим, я не сошёл с ума. Тогда что?

На следующий день он рассказал всё другу. Тот покрутил часы в руках: «Красивые. Но я не вижу ничего сверхъестественного. Луч как луч, кораблик ползёт. У тебя, Ян, глюки, не иначе. Возможно, из-за стресса на работе». Ян не спорил. Может, и глюки. Он же пробовал как-то сфотографировать момент, когда луч выходил за пределы циферблата — на снимке ничего не было.

— Может, возмёшь поносить? Вдруг заметишь что-то необычное.

Друг вернул часы через неделю с вердиктом: «точно только твои глюки».

— То есть я один всё это вижу, — усмехнулся Ян. — Отлично. Просто замечательно. Персональные дефекты реальности подвезли.

Однако после этого он как-то успокоился. Решил, что это и правда были галлюцинации. Но часы надевать всё-таки перестал. Спрятал в ящик стола — подальше от греха.

Через две недели он не выдержал. Возможно, заскучал без странностей. Или просто захотелось проверить — не приснилось ли. Он снова достал часы, но они остановились. Ян покрутил заводную головку — ничего. Часы стояли. В мастерской на Садовой сказали, что внутри всё в порядке, просто какая-то деталь перестала работать. «Бывает, — пожал плечами мастер с бритой головой и масляными пятнами на пальцах. — Механика — она такая. Японский Miyota, хороший механизм, но никто не застрахован». Ян забрал часы и опять положил в ящик.

Но странности вернулись.

Теперь он замечал дефекты пространства без всяких часов. Тени, стусившиеся до почти материальной пустоты. Шорохи, не имевшие источника, но явно осмысленные. Растения с листьями, складывающимися в невозможные узоры. Дома, на работе и на улице — необычное преследовало его и ходило за ним по пятам. Словно часы с маяком навели ему резкость — как объектив, который долго был не в фокусе. Вероятно, мир всегда был полон таких аномалий, просто Ян раньше не умел их видеть.

Однажды в метро, в час пик, он приметил женщину в сером офисном костюме. Усталое лицо, зонт-трость. На её плече сидела маленькая ящерица. Прозрачная, как морозный узор на стекле, с чешуйками, переливающимися мыльной радугой. Женщина не обращала на неё внимания. Другие люди тоже.

Ящерица повернула голову и уставилась на Яна. В её золотых глазах читалось спокойное любопытство. Будто она всегда знала, что он рано или поздно научится её видеть. «Ну, привет, — мысленно сказал Ян. — Ты тоже меня видишь. Значит, я не спятил. Или мы оба спятили. А это уже компания».

Словно в ответ на его мысли ящерица кивнула, перебралась на спинку сиденья, потом на поручень и сошла на станции «Технологический институт». Ян проводил её взглядом и подумал: «Наверное, пошла провести сфинксов на Фонтанке».

Он всё чаще стал замечать таких существ. Они жили среди людей, которые их не видели. Как не видели трещины в пространстве. Как не слышали шорохи за спиной.

Стена в его комнате тоже порой менялась. Фигура в кресле по-прежнему не двигалась. Просто смотрела на него. Но Ян перестал её бояться. Бояться каждый день невозможно. Привыкнуть можно ко всему. Даже к тому, что мир вокруг тебя даёт трещину, а по ту сторону кто-то наблюдает за тобой. Как в зеркале, которое забыло, кто из них отражение, а кто — тот, кто смотрит.

Новый фокус реальности требовал пространства. А ещё доверия. И Ян принял эти новые правила без вопросов и сожаления. Как петербургский дождь, как туман над Невой, как низкое свинцовое небо. К тому же играть на теневой стороне Петербурга оказалось гораздо интереснее, чем просто разминивать день за днём на зарплату и морщинки у глаз.

* * *

Ян вышел на улицу. Ноябрьский вечер истязал прохожих мелкой моросью и пробирался ветром под капюшон. Но Яна это не смущало. Он плотнее запахнул куртку и бодро зашагал в сторону метро. Город больше не притворялся декорацией — он ждал его, словно старого друга, чтобы вместе чудить и предаваться совсем другой, несанкционированной жизни.

~••~

Глава 2. Заговорщик с натриевым сердцем

Фонарь на углу Гороховой и Фонтанки объявил прохожим тайную войну. Вот уже вторую ночь он не просто моргал — он следил. Провожал людей качающимся пятном желтоватого натриевого света, а в самый неподходящий момент гас ровно на секунду. Ровно настолько, чтобы спешащий к Сенной площади прохожий выругался и споткнулся о мокрый гранитный поребрик. Потерпевшие грозили чугунному столбу кулаками, пряча носы в шарфы, а фонарь довольно подмигивал им вслед, отражаясь в тёмной воде.

Но этот хулиганский характер прорезался у него недавно. Годами он был образцовым городским имуществом, исправно рассеивая петербургскую хмурь и послушно разгоня липкую сырость. Всё изменилось глухой осенней ночью, когда случайная прохожая с огромным жёлтым зонтом остановилась рядом. Она прислонилась к его холодной опоре, посмотрела вверх, туда, где застыло низкое небо, и тихо спросила: «Ты ведь тоже живой, правда?»

С тех пор его закоротило — но не от сырости, а от осознания себя. Теперь он сам решал, кому освещать дорогу мимо старинных доходных домов, а кого наказывать. Едва сумерки опус-

кались на город, он принимался делить вечерний поток на категории. Те, кто бежал со службы, уткнувшись в телефоны, для него были скучной серой массой — их он безжалостно оставлял в тени. Но если мимо шла старушка с собакой или влюблённая пара, фонарь светил изо всех сил, согревая их своим ламповым теплом и выхватывая из темноты отражения луж на мокром асфальте.

Фонарь чувал, что играет с огнём и рискует отправиться на утилизацию. Но упрямо продолжал мигать в такт шагам, надеясь, что в этом городе найдётся хоть один мечтатель, который примет его правила игры до того, как на набережной припаркуется оранжевая машина «Ленсвета».

* * *

На третью ночь пошёл плотный, тяжёлый дождь, превративший Фонтанку в кипящий свинец. Прохожих почти не было. Фонарь откровенно скучал, уныло разглядывая пустые гранитные набережные и редкие зонты, спешащие к метро. Натриевое сердце внутри него едва заметно гудело и подрагивало от влажности.

Вдруг со стороны Гороховой улицы появился парень в потемневшем от дождя капюшоне. Он шёл не таясь, без зонта, засунув руки в карманы насквозь промокшей куртки. Фонарь лениво настроил фокус, чтобы испытать чужака. Парень приближался к углу, и когда его нога уже занеслась над тем самым скользким поребриком, фонарь привычно зажмурился.

Тьма. Ровно на одну секунду.

Но парень не споткнулся, словно заранее знал правила. А когда свет вернулся, он не стал ругаться. Он медленно поднял голову, посмотрел прямо в желтоватое стекло фонаря и... подмигнул ему в ответ. Правым глазом.

Чугунный корпус фонаря от неожиданности выдал короткий треск.

Ян, а это был именно он, сделал шаг назад, встал под самый купол света и достал из кармана старую бензиновую зажигалку. Раздался звук характерного чирканья, и крошечный огонёк разрезал полумрак, словно сам дождь ненадолго затаил дыхание. Ян закрыл пламя ладонью, открыл, снова закрыл. Три короткие вспышки. Это был тайный код, понятный только двоим. Или просто: «Я тебя вижу».

Фонарь замер. Впервые за всё время его не испугались, не обругали и не приняли за сломанную фазу. Проводка внутри натянулась как струна. Он судорожно мигнул два раза подряд, пытаясь вспомнить, как говорить на человеческом. Ян улыбнулся, повторно высек искру из зажигалки и радушно произнёс: «Красивая игра. Давай ещё».

Где-то в конце улицы послышался надрывный рокот мотора. Сквозь водяную мглу пробились ядовито-жёлтые проблесковые маячки аварийной машины «Ленсвета». Они ехали медленно, осматривая каждый столб. Кто-то из прохожих всё-таки оставил заявку.

Ян обернулся на шум, потом снова посмотрел вверх, на подрагивающий янтарный свет.

— Ну что, чудила, — весело сказал он, отступая в темноту. — Давай покажем им, кто здесь настоящий хозяин?

* * *

«ГАЗон» аварийной службы, тяжело переваливаясь на колдобинах, затормозил прямо у поребрика. Маячки на его крыше бешено вращались, окрашивая струи проливного дождя в тревожный лимонный цвет. Из кабины, глухо хлопнув дверью, выбрался грузный монтёр в брезентовом плаще с надписью «Ленсвет» на спине. В руке он сжимал старенький планшет с картой электросетей.

Фонарь над его головой испуганно замер, вытянувшись в струнку. От страха его натриево-е сердце раскалилось до предела, заливая перекрёсток ровным, идеальным светом. Никакого дребезжания, никаких подмигиваний. Сейчас он изо всех сил притворялся послушным мёртвым железом.

— Так, угол Гороховой и Фонтанки, опора номер сорок два, — пробасил монтёр и, устало запрокинув голову, оценивающе взглянул наверх. Фонарь горел безупречно. — И какому полудурку в два часа ночи показалось, что тут фаза прыгает? Горит же как миленький.

Монтёр уже развернулся, чтобы уйти обратно в тёплую кабину, как вдруг Ян, до этого тихо стоявший неподалёку в тени арки, трижды коротко чиркнул кремнем.

«Мигай!» — будто кричал этот жест. — «Ломай систему!»

Фонарь почувал вызов. Чугунное нутро обожгло азартом. Хватит бояться. Если и уходить на металлолом, то с музыкой.

И он выдал то, чего от него никто не ожидал. Вместо секундной задержки фонарь устроил настоящее световое шоу. Он не просто погас — он начал подмигивать в бешеном синкопированном ритме. Взрываясь слепящим магниевым сполохом, бунтовщик точечно выхватывал из дождевой стены то изумлённое лицо монтёра, то смеющегося парня, то кипящую воду Фонтанки. Это был чистый, чистокровный бунт против инструкций.

— Ах ты ж ёлки-палки, закоротило-таки! — рявкнул монтёр, пятясь назад, когда фонарь над его головой разразился очередным сумасшедшим стробоскопом. — Михалыч, запрашивай центральную! Пусть рубанут сорок второй!

Напарник в кабине схватил рацию, и через пару минут вся нечётная сторона Гороховой погрузилась в темноту. Бунтующий фонарь тоже погас. Стекло обиженно звякнуло, и натриево-е сердце перестало биться.

Монтёр сердито хмыкнул и зашагал к машине, бубня себе под нос:

— Завтра же бригаду с вышкой пришлю. Отрежем этот чугунок к чёртовой матери, всё равно его списывать пора, светодиодный поставим. Сил уже нет с этой рухлядью возиться.

Машина аварийки с рёвом тронулась с места и унеслась в туман, оставив перекрёсток во власти ноябрьской ночи.

Набережная опустела. Ян крадучись вышел из арки и приблизился к фонарю. От верхушки столба, там, где раскаленный плафон принимал на себя капли ледяного дождя, с грустным шипением валил густой белый пар. Металл столба всё ещё дышал накопленным жаром, словно остывающая печь.

Ян мягко похлопал ладонью по чугунному боку.

— Ну что, доигрался, чудила? — заговорщически спросил он. — Завтра тебя снимут.

Фонарь молчал. Он был мёртв и обесточен, подчиняясь диспетчерскому пульту. Но в самой глубине его лампы, там, где ещё теплились остатки натриевого тепла, вдруг проскочила крошечная золотая искра. Она скользнула вниз по металлическому контуру и улетучилась, оставив после себя едва уловимый запах озона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.